

ОРУЖИЕ:
ЛОЖНОЕ
ЧУВСТВО
ПРЕВОСХОДСТВА

*Собеседники не могли
знать, что их
разговор
прослушивают
сотрудники службы
безопасности,
сидящие в
припаркованном
неподалеку
автомобиле.*

Чингиз Абдуллаев



Право
на
легенду

ЭКСМО



Чингиз Акифович Абдуллаев

Право на легенду

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180947

Право на легенду: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-27985-2

Аннотация

Выборы президента в одной из стран СНГ грозят расколом общества. Цена власти очень высока, но это не останавливает тех, кто рвется к рулю. Шантаж, подлоги, запугивание – все идет в ход. И как апофеоз предвыборной схватки – серия громких убийств, в которых обвиняют действующего президента. Остановить надвигающуюся катастрофу может только сильный, волевой человек. И такой человек есть. Глава одной из областей не боится ни провокаций, ни угроз, ведь за ним народ и правда...

Содержание

Право на легенду	5
Вместо вступления	7
Часть первая	12
Глава 1	12
Воспоминания	19
Глава 2	27
Воспоминания	35
Глава 3	44
Воспоминания	53
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Чингиз Абдуллаев

Право на легенду

Маленькая страна «из бывших советских республик» переживает НЕЛЕГКИЕ ВРЕМЕНА.

Будущие выборы президента грозят завершиться кошмаром...

Премьер-министры – жертвы политических интриг – смеются друг друга, как куклы-марионетки...

Оппозиция рвется к власти, не выбирая средств, и от восстания страну спасают пока лишь непрерывные разборки между ведущими «противниками режима».

«Последним перышком», грозящим ввергнуть народ в хаос гражданской войны, становится ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО знаменитого журналиста, в котором обвиняют президента...

Сцена власти ждет НОВОГО актера на главную роль – человека «из низов», способного принести с собой СИЛЬНУЮ ВЛАСТЬ!..

Право на легенду

– Моя вера никудышная, – заявил он. – К тому же я не могу доказать ее. Самая лучшая вера у того, у кого есть хорошие ботинки и вдоволь еды. У меня ничего этого нет, и я живу в землянке.

– Старая песенка, – отмахивался пастор Руноульвур, – тот, у кого нет еды и одежды, не устает поносить тех, у кого они в достатке. А ведь один из пророков говорил, что человек должен иметь еду и одежду, чтобы творить добро. Вы забываете, что во всем есть высший смысл – как в хорошем наваристом бульоне, так и в ботинках. Греки это называли идеей. И это духовное, вечное свойство, заложенное в жизни и в каждой вещи, лежит в основе учения... А если человек так бездарен, что не может обеспечить себя едой и одеждой, и настолько лишен мужества, что не в состоянии выбраться из землянки, то сомнения нет – такой человек чужд и духа, и вечности.

Халлдор Лакснесс

«Возвращенный рай»

Всякое сравнение героев романа с реальными лицами неправоммерно, ибо все это – вымысел автора, хотя в любой фантазии всегда возможны невольные совпадения с фактами, происходящими в действительности. Во всяком случае,

это не биография какого-то существующего человека, а всего лишь попытка воссоздать образ возможного политика нашего времени.

Вместо вступления

В понедельник рано утром все помощники и советники собрались в его кабинете. Настроение было тревожным, поэтому говорили мало, с напряжением ждали телефонного звонка. Хозяину кабинета вот-вот должны были позвонить, а в полдень ему предстояло ехать в парламент страны с докладом.

Сам он, внешне спокойный, лишь изредка постукивал пальцами по столу, в чем присутствующие безошибочно угадывали его нетерпение, да в отличие от обычной манеры поведения не отвечал на звонки других телефонных аппаратов. Потом неожиданно шумно поднялся, махнул рукой, что означало «всем оставаться на местах», и прошел в комнату отдыха, где, усевшись в глубокое кресло, постарался немного расслабиться. Он позволил всем им, находящимся сейчас в его кабинете, быть с ним рядом, потому что, в конце концов, вопрос, решения которого они сейчас ждали, касался их всех. Всех до единого. Если он проиграет, то и им всем придется нелегко. На государственной службе они наверняка не останутся. И даже в бизнесе им не дадут дороги. Уж больно они засветились, пытаясь ему помочь, слишком близко стояли рядом с ним и очень усердно работали на него, чтобы рассчитывать на снисхождение. Он точно знал, что среди собравшихся нет предателей, нет перебежчиков, готовых

переметнуться на другую сторону. Сейчас здесь с ним остались только самые преданные люди, с которыми он прошел долгий, тяжкий путь и которым абсолютно доверял.

Шумно вздохнув, он посмотрел на часы. Должны бы уже и сообщить, как там прошла встреча. Почему они молчат? Нахмурившись, он потянулся к телефонному аппарату, стоящему рядом на столике, но передумал. Нет, не стоит ему звонить. Не может он дать даже малейшего повода заявить о его вмешательстве. Остается только ждать, хотя ждать совсем не в его характере. Он сжал пальцы в кулак, убрал руку.

Там, в его кабинете, несколько человек волнуются не меньше его. Их нельзя надолго оставлять одних, демонстрируя свои сомнения. В такую минуту его обязанность их поддержать. Он провел рукой по лицу, поднялся. Затянул узел на галстук, вернулся в кабинет. При его появлении все опять поднялись. Он знал, как все они к нему относятся. Наверное, немного побаиваются, считая достаточно жестким начальником. Но с другой стороны, эта команда единомышленников – люди, которым он доверяет и которые сознательно связали с ним свою жизнь.

– Ничего не сообщали? – спросил он, усаживаясь за стол.

– Ничего, – ответил один из его советников, – но мы думаем... – Он не договорил, потому что в этот момент раздался телефонный звонок.

Все невольно повернули головы к аппарату. Если бы сейчас по прямому телефону позвонил сам президент страны,

то и его звонок, пожалуй, взволновал бы их гораздо меньше. Помощник выразительно посмотрел на хозяина кабинета, не решаясь снять трубку, хотя звонил обычный городской телефон, выведенный в приемную. Но секретарь в приемной знала, как и все, ждала другого звонка и тоже не решалась снять трубку именно этого аппарата.

– Ответь, – разрешил хозяин кабинета.

Помощник еще раз посмотрел на него и, сделав несколько шагов к столу, поднял трубку.

– Слушаю вас, – сказал он чуть дрогнувшим голосом. Было заметно, что помощник сильно волнуется. – Да, это его приемная, вы правильно звоните. Да, я вас слушаю, – он представился.

Все находящиеся в кабинете внимательно следили за выражением его лица.

– Что случилось? – переспросил помощник. А когда услышал ответ, у него начало меняться выражение лица. Буквально на глазах. И всем стало понятно, что полученные известия вызвали у него отнюдь не положительные эмоции. – Понимаю, – тихо произнес он и разъединился. Затем вновь глянул на хозяина кабинета.

– Не молчи, – приказал тот, – говори, что там произошло?

– Автомобильная авария, – выдавил помощник, – они говорят, что это похоже на автомобильную аварию.

Было заметно, как напряглись лица всех присутствующих. Хозяин кабинета недовольно покачал головой. В такие ми-

нугы нужно сохранять самообладание и постараться не сорваться. Он шумно выдохнул воздух, переспросил:

– Значит, авария?

– Они так говорят, – ответил бледный от волнения помощник.

– Говорят... – Хозяин кабинета вложил в это слово все свое презрение к тем, кто сегодня выступал против него. Потом посмотрел на собравшихся.

Все ждали, что он им скажет. От его настроения и его слов зависело, как они поведут себя дальше.

– Авария, – повторил шеф, поднимаясь. – Выходит, решили сделать по-своему. – Он помолчал. – Значит, так, все по своим местам. Будем считать, что это случайность, на которую мы не имеем права обращать внимание.

– Но, Виктор Викторович... – попытался что-то возразить помощник.

– Случайность, – повысил он голос, – и не нужно мне ничего больше объяснять. Я не ребенок, все понимаю.

– Это убийство, – тихо сказал кто-то из присутствующих. Но недостаточно тихо, чтобы его не услышал хозяин кабинета.

Тот нахмурился, быстро произнес:

– Такими делами занимается прокуратура, а мы должны работать. Работать так, чтобы не оставить им ни единого шанса... – Не сдержавшись, он сжал пальцы в кулак, стукнул им по столу. Стукнул не очень сильно, сумев в последний

момент смягчить силу удара, и все же стук был подобен удару гонга. Все поспешили к выходу.

Когда все вышли из кабинета, Виктор Викторович глянул на телефон. Два года назад он точно так же смотрел на аппарат, ожидая звонка президента. Неужели с тех пор прошло только два года? А кажется, это было так давно. Он закрыл глаза. Тогда ему тоже трудно было принять решение. Зато множество людей пытались это сделать за него, давали ему советы, искренне считая, что он в них нуждается. Но он никогда не слушал чужих советов, даже если ему пытались помочь близкие люди. Всю свою жизнь шел напролом. Как поступил и тогда, два года назад, так поступит и теперь, получив это невероятное известие об автомобильной аварии, которая не должна была произойти ни при каких обстоятельствах.

Часть первая

Кандидат в кандидаты

Глава 1

Он уже знал, что ему должны позвонить и что звонок может раздаться в любую минуту. Уже второй час, хмурясь, сидел у аппарата, но телефон молчал. Хотя это было совсем не в его характере – терпеливо ждать, когда его позовут. Хотелось встать и уйти, пусть потом сами его ищут. Но с другой стороны, понимал, что так поступить проще всего. Вообще от всего отказаться, никуда не переезжать. Просто плыть по течению... Только и это было не в его характере. Не зря же жизнь столько раз проверяла его на прочность. Порой даже казалось, что все предыдущие его годы были одной сплошной проверкой: выстоит ли, не сломается ли, сумеет ли удержаться? И множество раз думал, что все могло бы быть чуть-чуть иначе, немного по-другому...

Виктор Викторович глянул на свой стол. Бумаги сложены аккуратной стопочкой. Некоторые ему надо срочно подписать. Еще раз посмотрел на телефонный аппарат. Если не позвонят, значит, не судьба, подумал он. Хотя, по большому счету, ни в какую судьбу не верил, искренне считая, что че-

ловек сам создает свой характер и творит свою жизнь.

Виктор Викторович Ермакович, пятидесятидвухлетний глава области, один из самых известных и популярных политиков Украины, сидел за столом в ожидании звонка президента. Это был человек высокого роста, широкоплечий, подтянутый, постоянно занимающийся спортом, не позволяющий расплываться своей фигуре. Упрямая складка на подбородке, тонкие губы, мясистые щеки, курносый нос, красивая копна темных волос с проседью – такие мужчины обычно нравятся женщинам.

Он придвинул к себе папку с бумагами, взял ручку. Ему могут вообще не позвонить, а дела не ждут. В конце концов, быть руководителем крупнейшей области страны – это тоже что-то значит. А он уже больше пяти лет стоит во главе области и привык отвечать за свои дела и поступки.

Телефон словно только этого и ждал. Стоило хозяину кабинета раскрыть папку, как сразу же затрещал. Ермакович удивленно посмотрел в сторону выстроившихся на столе аппаратов. Нет, это не прямой телефон с Киевом, по которому может позвонить только один человек – сам президент страны. Надрылся совсем другой – обычный городской телефон, номер которого знали лишь несколько человек: жена, сыновья да двое-трое самых близких друзей.

Он не спеша поднял трубку.

– Я вас слушаю, – буркнул недовольно. В принципе сейчас никто не должен был его отвлекать. Даже жена.

– Виктор Викторович? – спросил незнакомый голос.

Или знакомый? Хотя этот человек раньше никогда ему не звонил. И даже не должен знать этого номера его телефона. Хотя что значит не должен? Кому надо, все всегда знают. Раздобыть номер его прямого городского телефона им совсем не сложно. Но почему он вдруг решил использовать обычный городской номер, ведь мог позвонить и по аппарату правительственной связи? Или точно знает, что все аппараты правительственной связи прослушиваются? В том числе и прямая линия с президентом?

– Да, это я, – подтвердил Ермакович. – Кто говорит?

– Я думал, вы меня узнаете по голосу, – отозвались на другом конце провода.

– Я давно не играю в такие игры, – устало поморщился Виктор Викторович. – Могли бы и представиться, коли уж решили со мной поговорить?

– Это Олег Константинович, – сообщил позвонивший.

Хозяин кабинета нахмурился. Он так и думал, впрочем, ошибиться было невозможно.

– Алло, вы меня слышите? – спросил Олег Константинович. – Куда вы исчезли?

– Никуда, – ответил Ермакович. – Жду, когда вы начнете разговор.

Он уже начал догадываться, зачем ему звонят. Но еще не хотел поверить даже самому себе. Неужели они решатся выступить так открыто?..

– Виктор Викторович, я не хочу отнимать у вас много времени, – начал его собеседник, – наш разговор не прослушивается, мы приняли некоторые меры...

– Мне все равно, – довольно невежливо перебил его Ермакович.

– И тем не менее я хочу, чтобы вы знали. После последних событий все словно с ума посходили. Боятся вообще разговаривать по телефону.

– Я не боюсь.

– Знаю. Именно поэтому я вам и позвонил. Хочу обратить ваше внимание на некоторые слухи, которые ходят у нас в столице. Вы, наверное, уже в курсе?

– Я слухи не комментирую. И вам не советую.

– О, характер у вас не меняется...

– Разумеется. Я не в том возрасте, когда меняется характер.

– И тем не менее вы все знаете... Очевидно, понимаете, что президент пока не принял окончательного решения. Но вполне вероятно, что он сумеет найти достойного кандидата.

– Возможно. Мне об этом пока ничего не известно. Вы позвонили, чтобы сообщить мне его решение? – Вопрос получился несколько издевательским.

– Нет. – Кажется, Олег Константинович даже усмехнулся. Он не ждал такого ответа от Виктора Викторовича. – Я не хочу скрывать от вас, что в Киеве многие недовольны таким поведением нашего руководителя. Нам кажется, что это его

очередная ошибка. А если он сделает неправильный выбор, то это будет трагедия для страны. Ситуация довольно неприятная для всех нас...

– И чего вы хотите? – снова перебил его Ермакович.

– Вы должны отказаться, – твердо проговорил Олег Константинович, – если вдруг он совершит такую ошибку и все-таки предложит вам пост премьера. Вы же знаете, если бы на вашем месте был кто-то другой, я не стал бы ему звонить. Все равно через несколько дней все будет известно и неудачный эксперимент нашего президента закончится с еще большим скандалом, чем дело погибшего журналиста. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Не понимаю. Почему я должен отказаться?

– Вы умный человек, Виктор Викторович. Вы же прекрасно знаете, как все к вам относятся. Вас уважают, некоторые даже боятся. У вас самая сильная поддержка в парламенте. Но место, которое вам предлагают... Такого не было никогда и никогда не будет. Украина – крупнейшая страна Европы, и после всех наших скандалов мы не можем допустить, чтобы наша страна снова выглядела перед мировым сообществом не лучшим образом. Вы должны отказаться...

– Вы думаете о стране или о собственных интересах? – жестко поинтересовался Ермакович.

– Я думаю и о стране, и о наших интересах, – прямо и так же жестко ответил его собеседник.

Все стало ясно. Можно было закончить разговор. Это бы-

ло прямым объявлением войны.

– Мне пока никто ничего не предлагал, – твердо сообщил Виктор Викторович. – Когда предложат, тогда и буду думать. А пока извините... – Он уже собирался положить трубку.

– Виктор Викторович, – спохватился Олег Константинович, очевидно почувствовав, что разговор может оборваться, – пожалуйста, не кладите трубку. Я только хотел вам сообщить... Если вы не откажетесь, некоторые люди, которые не очень вам симпатизируют, могут передать в прессу ваше досье. Вы меня слышите? Поверьте: мне больше всего хотелось бы избежать этого скандала. Все газеты и журналы напечатают вашу биографию с соответствующими комментариями. Пока вы были руководителем области, вас не трогали, но если вы не согласитесь...

– Не соглашусь, – твердо отрезал Ермакович, чувствуя мощный выброс адреналина. – С вами не соглашусь. И если президент решит предложить мне этот пост, тотчас же прилечу в Киев.

– Вы меня не поняли. Я всего лишь хотел вас предупредить...

Виктор Викторович, не дослушав, положил трубку. Затем резко закрыл папку с документами. Посмотрел на телефонный аппарат. Нужно сменить номер, подумал он и улыбнулся. Многие, даже достаточно умные и опытные, люди совершают одну и ту же характерную ошибку: судят о других с позиции собственных страхов и заблуждений. Вот и позво-

нивший Олег Константинович больше всего боится огласки их разговора. Как глупо! Полагает, что его можно запугать. Если бы они знали о его жизни... Всю правду, как все было на самом деле... Пожалуй, не стали бы тогда звонить. Но они даже не догадываются, что его нельзя испугать – все свои страхи он уже давно пережил. И самый первый более сорока лет назад, когда ему было всего восемь лет...

Воспоминания

В их поселке было всего лишь две улицы – Песочная и Грузовая. Обе с покосившимися глинобитными хатами, в которых жило не так уж много народа. С самого утра мужчины – суровые молчаливые шахтеры и такие же молчаливые металлурги, спешащие на небольшой завод, который стоял в стороне от поселка, – уходили на работу. Правда, Витин отец иногда отправлялся на нее вечером, когда заступал в ночную смену. Он был машинистом паровоза. Хотя маленький Витя запомнил на всю жизнь, как отец заворуженно смотрел в небо, когда над ними слышался гул пролетающих самолетов. А позже узнал, что отец с юности мечтал о небе, хотел стать летчиком, да проклятая война не дала осуществиться его планам. Отец ушел на фронт и вернулся с него тяжело раненным. Слава богу, как говорили взрослые, пришел живым – в их небольшом поселке многие семьи вообще остались без мужчин. Такое тогда было сплошь и рядом. И почти половина ребят, с которыми Витя учился в школе, вообще не знала своих отцов. Они родились во время войны или вскоре после нее от мужчин, которые, вернувшись в родные края, быстро умирали от тяжелых ран, полученных в боях.

Родители Виктора поженились в сорок девятом. Он работал машинистом, она была медсестрой. Сложилась обычная рабочая семья, каких до войны в поселке было много.

А в июле пятидесятого родился Виктор. Тогда казалось, что жизнь налаживается и впереди все будет только хорошо. Постепенно отменяли карточки, повышали зарплату... Но через два года мать Виктора тяжело заболела. Несколько месяцев она лежала в больнице. В памяти мальчика смутно осталось лишь размытое белое лицо умирающей матери на подушке, но почему-то навсегда запомнился отвратительный резкий запах больницы, преследовавший его затем долгие годы. Он не сразу осознал, что остался один. Один и навсегда. Маленькому Вите не повезло гораздо больше, чем его сверстникам, выросшим без отцов, потому что в два с половиной года он потерял мать.

Расти без отца очень сложно. При этом мальчики часто бывают неуправляемыми, им не хватает отцовской мудрости, конкретного примера перед глазами, их оскорбляет одиночество матерей, вынужденных в той или иной мере сходиться с другими мужчинами. А в пятидесятые годы была еще и социально значимая причина: мать, поднимающая семью в одиночку, часто не могла заработать столько, сколько зарабатывали мужчины.

Но потеря матери для ребенка – ни с чем не сравнимое страшное потрясение. Это нарушение неких биологических законов, когда малыш теряет гораздо больше, чем просто любимого человека. Когда ему становится больно и хочется крикнуть «Мама!», он вдруг вспоминает, что ему некого звать на помощь. Когда ему совсем плохо, то не у кого искать

утешения, надеясь на всепрощение и понимание. Рана от потери в детстве матери кровоточит затем всю жизнь. Жить без отца очень трудно, жить без матери – почти невозможно.

Как и все мальчишки, Витя играл в футбол. Когда начинало темнеть, из близлежащих хат доносились крики матерей, зовущих своих сыновей. Он знал, что его никто не позовет. Бабушка не любила кричать, она терпеливо ждала, когда он прибежит сам. Иногда по ночам, когда ему бывало плохо, он фантазировал, сочинял, какая у него могла бы быть мать, сжимая кулаки от непонятного чувства одиночества, такого обидного в его годы. И в школу вместо матери его провожала бабушка, хотя, справедливости ради, стоит отметить, что она всячески старалась ее заменить.

Но может быть, именно потому, что не было матери, Витя рос не по годам развитым, самостоятельным, настырным. А поскольку был таким, его и понесло в этот чертов отстойник. Бабушка предупреждала, чтобы даже близко около него не проходил. И все ребята поселка знали, что там гиблое место, обходили его стороной, шепотом рассказывали друг другу о болотном черте, который якобы в нем живет и топит всех, кто осмеливается появиться в его владениях. Только разве можно остановить мальчишек, которых притягивает все таинственное и незнакомое? И однажды Витя уговорил соседнего пацана Колю все же пойти посмотреть, что на самом деле творится в этой яме.

Шламовый отстойник, сохранившийся еще с довоенных

времен, по краям порос кустарником, а в самом глубоком месте был заполнен болотной жижей. Туда-то мальчишки и полезли, рассчитывая увидеть что-нибудь интересное. Начали осторожно спускаться по склону вниз. Если бы у них была хорошая обувь, они не сорвались бы. Но развалившиеся от игры в футбол сандалии постоянно скользили, заставляя ребят цепляться руками за кусты. В какой-то момент Виктор почувствовал, что земля уходит у него из-под ног. Он инстинктивно наклонился, схватился за куст. Но тот неожиданно легко вылез из земли. Сухой куст не выдерживал тяжести его тела, и мальчик понял, что сейчас упадет.

– Витя, – в отчаянии закричал его друг, – подожди, я тебе помогу!

– Нет! – успел крикнуть упрямый мальчишка и полетел вниз, прямо в болотную жижу.

– Я сейчас тебя достану, – пообещал перепуганный Коля. Ему было семь, он был на год младше Виктора.

Падение оказалось не столь страшным. Витя огляделся. Никаких болотных чертей видно не было. Да и в жиже он стоял всего лишь по пояс.

– Не спускайся, – крикнул он другу, – лучше кого-нибудь позови! Я здесь подожду.

– Я тебе помогу, – возразил Коля.

– Нет, – упрямо настаивал на своем Виктор, понимая, что мальчишке не хватит силенок вытащить его из этой жижи. – Лучше вернись в поселок и приведи ребят. А еще лучше ска-

жи своему старшему брату. Пусть он палку с собой прихватит, и дуйте обратно.

– Я сам принесу палку! – закричал обрадованный Коля, скрываясь за склоном, поросшим кустарником.

Виктор огляделся. Вокруг никого не было. И вдруг почувствовал, что уходит все глубже в болотную жижу. Когда он только упал, она доходила ему до пояса, а сейчас он увяз уже почти по грудь. Вот тогда-то он и почувствовал настоящий страх. И пожалел, что остался один. Теперь никто не услышит его крика. Мальчик полагал, что под ногами у него достаточно твердая почва, однако болото сыграло с ним злую шутку. Или здесь на самом деле жил черт?

Он начал дергаться, пытаясь каким-нибудь образом вырваться из засасывающей его трясины. Но болото держало его цепко. Тогда он впервые попытался крикнуть, однако из горла вырвался лишь хриплый звук, который никто не услышал. Попытался дотянуться до свисающей поблизости ветки, но быстро понял, что не сможет ее достать. И в панике увидел, что увязает все глубже и глубже.

Ему было только восемь лет. Он учился во втором классе и, в сущности, был еще совсем ребенком. Опаленным горем ребенком, который выглядел старше своего возраста. А впереди у него была целая жизнь, которая могла вот так нелепо и глупо оборваться. Витя еще раз дернулся, набрав воздуха в легкие, заорал изо всех сил. Но его опять никто не услышал. Значит, ему суждено умереть в этом отстойнике? Мальчик в

жутком страхе дергался изо всех сил.

В какой-то момент он вспомнил бабушку. Она говорила, что мама наверняка попала в рай. А потому рано или поздно он там с нею встретится. Но для этого здесь, на земле, надо добрыми делами заслужить это право. А что он успел сделать? Гонял голубей, играл в футбол, вот не послушался бабушку и полез в этот отстойник. Болотная жижа доходила ему уже до плеч. Он тянул руки изо всех сил к спасительной ветке, свисающей от него так недалеко, но болото не собиралось его отпускать.

– Мама! – вдруг заорал он изо всех сил. – Мама! – Впервые в жизни Витя позвал ее громко, словно она где-то существовала. Позвал в самую страшную, отчаянную минуту, когда никакой надежды спастись не оставалось. Он не заплакал, только несколько раз произнес самое дорогое на свете слово, искренне веря, что каким-то непостижимым образом она сможет ему помочь.

Неожиданно поднялся ветер. Виктор закрыл глаза, понимая, что ему уже не спастись. И именно в этот момент та самая ветка, до которой он не мог дотянуться, ударила его по лицу. Он открыл глаза. Ветер налетел достаточно сильный. Словно кто-то дал ему команду. Ветка опять наклонилась в его сторону, и он снова ощутил ее слабый удар по лицу. Теперь поднять руку и схватить ее оказалось совсем несложно. Держась за нее, Витя начал осторожно подтягиваться к твердой земле. Ветка оказалась довольно прочной. Он решил

взяться за нее и второй рукой. Ухватившись обеими руками, стал тянуться за ветку изо всех сил. И почувствовал, что болото начало его отпускать. Мальчик понял, что так постепенно выберется из вязкой жижи.

И действительно, через несколько минут он уже лежал на земле, тяжело дыша и размазывая грязь по лицу. Оглянувшись назад, еще раз по-настоящему испугался, сообразив, какой жуткой опасности только что избежал. Хватаясь за ветки кустов, стал вылезать из ямы. Со стороны поселка бежали ребята. Коля, не успевающий за ними, бежал последним. Он поднял всех соседских мальчишек, чтобы выручить своего друга, по дороге он упал и разбил колено. Однако, не обращая внимания на рану, летел на помощь Виктору изо всех сил.

Ребята обступили мальчишку, вылезшего наверх, с уважением уставились на его перепачканное лицо.

– Нет там никакого черта, – хрипло сообщил он им. – И вообще ничего нет. Болото одно. Нельзя туда залезать, пацаны. – Витя словно сразу повзрослел.

Все расступились, и он побрел к своему дому. Позади, чуть прихрамывая, плелся Коля.

На следующее утро, нарвав полевых цветов, Витя вместе с бабушкой пришел на могилу матери.

– Мама, это тебе, – чуть слышно прошептал он, опуская цветы на могилу.

Бабушка вытерла слезу. Она не знала, что накануне ее

внук прошел одно из серьезнейших испытаний в его жизни.

Глава 2

Звонок секретаря отвлек Ермаковича от нахлынувших воспоминаний. Он недовольно поморщился: ведь она знает, что сегодня он не намерен ни с кем разговаривать и тем более встречаться. Но если все-таки решилась позвонить, значит, дело действительно важное.

– Чего тебе? – недовольно спросил он, включая аппарат селекторной связи.

– Извините, Виктор Викторович, – раздался чуть виноватый голос секретаря, – приехал Шульман. Он хочет с вами встретиться. Говорит, что по очень важному делу. Я не хотела вас беспокоить...

– Где он?

– У нас в приемной. Приехал десять минут назад. Я ему объясняла, но он повторяет, что это очень серьезно.

– Понятно. Раз повторяет, значит, на самом деле так. Пустите его. Но больше ни с кем меня сегодня не соединяй.

– Виктор Викторович, через два часа у вас пресс-конференция. Вы ничего мне не говорили, Михаил Николаевич уже предупредил всех журналистов.

– Почему он мне не позвонил? – нахмурился Виктор Викторович.

– Не хотел вас беспокоить. Вы сами просили...

– Ничего я не просил. Пусть не занимается самодея-

тельностью. Я сказал, что подумаю насчет пресс-конференции. – Он нажал другую кнопку, вызывая руководителя своей пресс-службы. – Миша, – обратился к нему чуть хрипловатым голосом, выдающим его раздражение, – кто тебе разрешил собирать пресс-конференцию?

Кольчугин работал с ним уже девять лет и хорошо знал все интонации своего шефа. Ему было чуть больше сорока. Среднего роста, коренастый, широкоплечий, словно оправдывающий свою фамилию, Кольчугин пришел в областную администрацию вместе с Ермаковичем. Еще девять лет назад Виктор Викторович обратил внимание на хлесткие, энергичные статьи этого журналиста. Попросил найти его, пригласил к себе. Кольчугину тогда было чуть больше тридцати. И хотя он был достаточно сильным человеком, рядом с будущим своим патроном выглядел щуплым и маленьким. Правда, справедливости ради надо отметить, что рядом с почти двухметровым Ермаковичем многие люди, даже с выдающимися физическими параметрами, чувствовали себя не совсем уверенно.

А за последующие девять лет совместной работы губернатор высоко оценил своего инициативного и толкового сотрудника. Но и Кольчугин сумел близко узнать главу области. Если Виктор Викторович начинал говорить вот таким хриплым голосом, это означало, что он с трудом себя сдерживает.

– Извините, Виктор Викторович, – забормотал Кольчу-

гин. – Я думал, все уже решено... мне звонили из Киева... я полагал, ваше назначение уже... Извините меня.

– Не стоит суетиться, – зло заметил Ермакович. – Когда будет нужно, я проведу пресс-конференцию. Ты, видимо, решил «вперед батьки в пекло пролезть»? Сам знаешь, я не люблю, когда за меня решают.

– Извините...

– Отменяй пресс-конференцию, – решительно приказал Ермакович, – и никогда больше не самодельничай. Если я решу поехать в Киев, ты первым узнаешь об этом. Все понял?

– Конечно...

Виктор Викторович отключил связь с Кольчугиным, приказал девушке-секретарю впустить Шульмана.

Лев Яковлевич Шульман был его давним знакомым. Они подружились еще лет двадцать назад, когда Шульман и Ермакович были доверенными лицами космонавта Берегового. Шульман работал главным инженером в закрытом конструкторском бюро, выполняющем в основном военные заказы, отчасти связанные с космосом. И хотя он был старше Ермаковича на восемь лет, они тогда быстро сошлись.

Противоположности часто сходятся. Мягкий, осторожный, не всегда решительный Шульман и сильный, идущий напролом молодой Ермакович, в котором чувствовалась некая первобытная сила, вместе представляли известного всему миру космонавта, сумевшего сделать, казалось,

невозможное – добиться права на космический полет уже в том возрасте, когда большинство летчиков и космонавтов выходят на пенсию. Правда, Шульман с его средним ростом на фоне очень высокого Ермаковича смотрелся несколько комично.

Он вошел в кабинет, поправил очки. После того как Виктор Викторович стал руководителем области, Шульман был назначен генеральным директором того самого объединения, в конструкторском бюро которого работал. Несмотря на должность Ермаковича, они по-прежнему были на «ты», как и много лет назад.

– Здравствуй, Виктор, – отрывисто произнес Шульман, протягивая руку. Ермакович поднялся ему навстречу.

– Мог бы и предупредить о своем приезде, – мрачно буркнул он, пожимая ладонь гостя.

Тот согласно кивнул и, обойдя стол, устроился рядом с хозяином кабинета.

– Мне нужно было срочно с тобой увидеться, – признался Шульман. – Очень важное дело, не хотелось говорить о нем по телефону.

– Что случилось?

– Ты знаешь, что в Киеве все уже решено? Хотя об этом уже два дня говорят все наши телевизионные каналы. И все газеты об этом пишут. Похоже, президент уже сделал свой выбор.

– Так ты приехал сюда, чтобы рассказать мне об этом? –

спросил, но даже не улыбнулся при этом Ермакович.

– Подожди, Виктор, не дергайся. – Его собеседник оглянулся по сторонам, словно опасаясь, что их могут подслушать. – Мне действительно нужно было тебя увидеть. Это очень важно.

– Ну рассказывай, что там у тебя.

– Ты же знаешь, что мой сын работает в Киеве, на одном из телевизионных каналов. Сегодня он прилетел ко мне. Четыре часа назад. Там уже все знают, что пост премьер-министра президент решил предложить тебе. И это правильно, Виктор, все равно лучше тебя они не найдут. Подожди, подожди, – попросил Шульман, видя, что его нетерпеливый собеседник хочет его перебить, – не торопись. Я не хвалить тебя приехал. Мы знакомы много лет, и ты меня не раз крепко выручал. Я хочу вернуть хотя бы часть моего долга...

– Ничего не понимаю. При чем тут твой сын?

– Он работает на канале у Дорошенко. Он мне все и рассказал. Ты же понимаешь, как сильно они не хотят твоего назначения премьер-министром, насколько серьезно против тебя настроены. Ведь они сделали все, чтобы скомпрометировать президента, убрать его, провести своего человека. У них есть свои кандидаты. Ты же видишь, как все раскручивается. А тут президент вдруг назначает тебя. И все понимают, что ты – единственный кандидат, которого примут в парламенте. Но не все этого хотят. Ты же понимаешь, о чем я говорю. После ареста нашего бывшего премьер-министра

Назаренко в Америке у президента вообще не осталось ни одного серьезного союзника и ни одного шанса на повторное избрание. Только ты можешь спасти всю эту конструкцию и стать премьером. Именно поэтому они тебя и не хотят.

– Тоже мне новость, – усмехнулся Ермакович, – нашел о чем говорить. Это я и без тебя знаю.

– Ты не знаешь самого главного. Они готовят грандиозную провокацию. Как только ты появишься на первой пресс-конференции в Киеве, они устроят тебе «достойную встречу», как сами говорят. Уже подготовлены два человека, которые начнут задавать тебе вопросы о твоём прошлом. Начнут расспрашивать тебя о прежней жизни. Догадываешься, о чем я говорю?

– Ну и что? Я ничего не скрываю. В Донецке все знают про мою жизнь...

– Но не все знают в Киеве, – возразил Шульман. – И ты пока не премьер-министр самой большой страны в Европе, если, конечно, не считать России, большая часть которой в Азии. А между прочим, это будет твоё первое знакомство в качестве одного из руководителей страны с европейскими журналистами. Пока они приезжали к тебе так – от случая к случаю. Но дело даже не в этом. Вопросы будут задаваться с единственной целью – вывести тебя из себя. А учитывая твой далеко не ангельский характер, можно считать, что успех им почти гарантирован. Как только ты сорвешься, они покажут специальный репортаж по всем каналам, пере-

дадут эти ролики в «Европьюс», на Си-эн-эн. Мой сын входит в группу, которая готовит этот материал. Они покажут колонии, тюрьмы, отборных рецидивистов, в общем, сделают все, чтобы испортить тебе твоё политическое будущее. После первой же пресс-конференции можешь собирать вещи и возвращаться домой, в Донецк. Они на это и рассчитывают. Там даже придумали такой заголовок: «Последняя ставка президента». В общем, одним ударом хотят поставить жирную точку на твоей карьере и подставить очередной раз его...

Шульман закончил говорить, вытащив носовой платок, вытер вспотевшее лицо. Протер стекла очков. Потом взглянул на своего собеседника. Тот сидел, словно окаменев. И вдруг неожиданно улыбнулся. Второй раз за день.

– Все? – поинтересовался Ермакович.

– Все, – выдохнул Шульман, – но это очень серьезно. Ты напрасно улыбаешься, Виктор, это не шутка...

– Ты думаешь, я не знаю, как они ко мне относятся? Полчаса назад мне позвонил один из тех, кто принимает решение вместе с президентом. И открытым текстом мне угрожал. Сообщил, что они опубликуют мое досье. В общем, просил меня не давать согласия на назначение. Я уже много лет в политике, Лева, и знаю, как сложно всем нравиться.

Шульман понимающе кивнул.

– А за предупреждение спасибо, – продолжил Ермакович. – Хотя я знаю информационную политику каждого ка-

нала. Первый канал Равиковича будет сохранять нейтралитет, а пятый Дорошенко – выступать против меня. У них есть свой кандидат. Все правильно. – Он встал, прошел к окну, посмотрел вниз.

– Мне непонятно, как они там договариваются, – проговорил Шульман, глядя ему в спину, – почему некоторые каналы выступают на стороне других кандидатов. Я в этом не разбираюсь. Но мой сын там работает, он в курсе, вот я и решил, что должен к тебе приехать. Не думаю, что у них все получится, как они задумали, но хотел тебя предупредить...

Виктор Викторович обернулся.

– Им нужно убрать президента и протащить своего кандидата, – пояснил он, – и вообще, в политике возможны любые союзы. Ничего личного, только политика. И еще экономика. Неизвестно, чего в большей мере. Огромные возможности, сумасшедшие деньги... А я не умею договариваться. И никогда не умел. Именно поэтому в молодости так и подставился... – Он подумал немного и добавил: – Сейчас тоже не смогу. Когда знаю, что прав, просто иду до конца. Такая у меня внутренняя установка, Лева.

– Знаю, – мрачно ответил Шульман. – Ты не меняешься. Каким был в молодости, таким и остался...

Воспоминания

Когда Витя пошел в школу, у него появилась мачеха – отец женился. Она по-своему заботилась о мальчике, старалась заменить ему мать. Но он, привыкший к одиночеству, предпочитал уходить из дома на весь день. Взяв с собой книги, где-нибудь прятался и увлеченно читал, погружаясь в более интересный и привлекательный, нежели окружающая действительность, выдуманный мир. Учился Витя в школе неровно: когда ему было интересно, делал уроки и получал за них отличные оценки, когда неинтересно – даже не заглядывал в учебники, хватал тройки. Много лет спустя психологи начнут утверждать, что наиболее интересный тип людей – это те, кто в школе получал разные оценки. С неуспевающими учениками все ясно, с отличниками тоже понятно. Они предсказуемы. А вот из учеников, которые получают то пятерки, то тройки, отличаясь нестандартным поведением, мышлением и любознательностью, впоследствии нередко вырастают лидеры. Но это откроют только через полвека после того, как в конце пятидесятых Витя Ермакович неровно учился в школе, удивляя педагогов, которые считали его достаточно способным мальчиком.

В восьмом классе Витя принял решение поступить в горный техникум. И тем же летом они с Колей отправились в Сальские степи, нанявшись пасти конские табуны. Они на

всю жизнь запомнили июньские короткие ночи, желто-красное солнце на горизонте, купание лошадей, их характерный норов. Животные чувствуют человека, его поведение, его страх и решительность. Оказалось, что нельзя паниковать, когда лошади сбиваются в кучу, во главе которой может оказаться норовистая кобыла, как нельзя и проявлять чрезмерную жестокость, которая сразу сказывается на отношениях человека с животными. Может быть, именно тогда Витя Ермакович и понял, что существует некий баланс, которого надо придерживаться и в отношениях с людьми, стараясь не проявлять ни своей слабости, ни излишней строгости.

Пожалуй, это были лучшие дни его жизни. Он делился с лошадьми неровно нарезанными ломтями ржаного хлеба, чувствуя мягкое прикосновение конских губ, научился отличать животных, узнавая их по внешнему виду, характеру, манере поведения. По ночам они с Колей, глядя на звездное небо, раскинувшееся над ними, мечтали о будущем, фантазировали, каким станет мир через двадцать, тридцать лет. Как у всех людей, родившихся во второй половине двадцатого века, в их рассуждениях присутствовала некая мистическая цифра с тремя нулями, означающая начало нового века. Двухтысячный год казался невозможно далеким и невероятно интригующим. Они спорили до утра, отстаивая каждый свой вариант развития цивилизации. Коля считал, что к тому времени все изменится настолько, что не останется ни стран, ни границ, ни денег. Будет всеобщая утопия, про

которую им рассказывали в школе. Более практичный Виктор полагал, что мир людей изменят новые технические усовершенствования. Впоследствии он часто вспоминал эти их споры под открытым небом, рядом с молчаливыми табунами лошадей. В далеком шестьдесят пятом все казалось таким простым и понятным.

Когда Виктор вернулся домой, отец впервые с уважением посмотрел на повзрослевшего сына, который заработал достаточно денег, чтобы начать самостоятельную жизнь. Он успешно сдал экзамены в техникум, поступив туда на год раньше своего приятеля. Все, казалось, шло по накатанной колее...

Считается, что Бог посылает человеку ровно столько испытаний, сколько тот может вынести. В семнадцать лет Виктор Ермакович уже работал автослесарем на том самом металлургическом заводе, на котором трудилась половина их города. А еще через три месяца его арестовали.

Страна готовилась отметить пятидесятилетие Великой Октябрьской революции, Украину награждали орденом Октябрьской Революции. Во время подготовки к столь знаменательному событию традиционно проводились различные кампании, в том числе и по укреплению социалистической законности. Правоохранительные органы отчитывались за выполнение своеобразных планов по успешной борьбе с преступностью. При этом отчетность велась по нескольким показателям. Если сокращалось общее количество преступле-

ний против личности, это считалось хорошим признаком – значит, стало меньше убийств, квартирных краж, грабежей, случаев уличного хулиганства. Но если падали показатели раскрываемости преступлений, совершенных против государственной собственности, это выглядело серьезным упущением в работе милиции и прокуратуры. Руководство партии и государства априори исходило из убеждения, что такие преступления как всегда существовали, так и существуют. Именно поэтому снижение количества выявленных экономических преступлений признавали плохой работой правоохранительных органов. Выходит, они недостаточно выявляли случаи коррупции, расхищения социалистической собственности, халатности, предпринимательской деятельности.

Вот под такую кампанию и попал семнадцатилетний автослесарь металлургического завода Виктор Ермакович. Интересно, какой страшный ущерб мог нанести государству молодой парень, только несколько месяцев проработавший на производстве? Однако в годы тотального дефицита любые запасные детали, оставленные для своевременного ремонта заводских аппаратов, легко перекалвалифицировались на украденные у государства. Следствие длилось несколько месяцев. Учитывая, что автослесарь не мог сам достать детали, а брал их у кладовщика, преступление попало под более тяжкую статью – не просто хищение социалистической собственности, а хищение, совершенное группой лиц.

И следователи, и прокуроры, и судьи понимали, что молодой человек невиновен. Но некоторую халатность кладовщика и руководителя хозяйственного отдела переложили на парня, еще не имевшего никакого жизненного опыта. Даже прокурор старался ему помочь – вытащить из этой тяжелой и нелепой ситуации, в которой молодой Ермакович оказался невольно. Но, попав под пресс проводимой кампании, Виктор был изначально обречен. По такой статье нельзя было закрыть дело и тем более оправдать человека, иначе прокуроров и судей тоже обвинили бы в нерадивом исполнении их обязанностей и потворстве самому страшному преступлению, какое только было в Уголовном кодексе шестидесятых годов, – хищению социалистической собственности. В случаях за подобные преступления давали даже высшую меру наказания. Виктор получил минимальный срок – три с половиной года лишения свободы.

Это было больно, несправедливо и страшно. Молодого парня отправили в исправительную колонию, находившуюся в Кременчуге, далеко от дома, где он должен был провести такой невероятно долгий срок.

Тогда ему казалось, что вся его жизнь рухнула. В устоявшейся советской системе человек, имеющий судимость, был обречен на ничтожное существование в дальнейшем. Его не принимали на хорошую работу, не выдвигали по службе, не выпускали за границу, ему неохотно разрешали учиться в высшем учебном заведении, не давали рекомендации в пар-

тию, не позволяли даже близко подходить к предприятиям, связанным с государственными секретами. Одним словом, человек, отбывший наказание, все равно оставался до конца своих дней изгоем.

В колонии его встретили недружелюбно. Вот тогда-то он и усвоил еще один очень важный урок: никогда никого не просить, ни о чем не спрашивать, держаться независимо и ни перед кем не сгибаться. Последнее особенно не понравилось местному рецидивисту. Нигде не любят независимых людей. Независимый индивид – всегда вызов системе. И неважно, какая это система – государственная диктатура, тоталитарное государство или власть «пахана» в колонии. Человек, не встроенный в нее, бросает ей вызов. Ведь винтик, не завинченный до конца, может вызвать аварию всего механизма. Именно поэтому все диктаторы так не любят свободомыслящих людей.

Однажды вечером сразу четверо парней случайно оказались за сараем, где проходил Виктор. Ему было восемнадцать, им гораздо больше. И хотя он был высокого роста и достаточно физически развит, чтобы справиться с каждым из них, тут понял, что против четверых ему не выстоять. Можно было позвать на помощь, вырваться, закричать. Но это было не в его характере. Поэтому он поднял тяжелую палку и прислонился к стене сарая, ожидая их нападения. Четверо против одного. Они надвигались с молчаливым чувством уверенного превосходства, как стая волков, травящих

оления. Но Виктор чувствовал себя спокойно. Возможно, потому, что был уверен в своих силах. А может, потому, что знал, как нужно себя вести, не нарушая местного «кодекса чести». И это ощущение собственной силы и правоты своих действий перед лицом непосредственной угрозы он запомнил навсегда. Четверо нападающих увидели выражение его глаз и тревожно переглянулись. Было очевидно, что им все представлялось несколько иначе.

Четверо против одного. Однажды в школе Виктор дрался сразу с тремя взрослыми ребятами, но тогда рядом с ним был Коля. Ощущая в руках тяжелую палку, он неожиданно усмехнулся – уже знал, что не уступит этим подонкам. Они заметили его улыбку. И неожиданно замерли, поглядывая друг на друга. Среди них не было лидера, готового первым ринуться в драку.

– Подходите, ребята, – еще шире улыбнулся Виктор, – дайте...

Бандиты снова переглянулись. Одно дело – запугать и избить несчастного молодого парня, впервые попавшего в колонию, и совсем другое – драться с крепким мужчиной, готовым к такой борьбе. Они вдруг поняли, что он не уступит, будет биться до смерти – прочитали эту решимость в его глазах. Трусливые животные, привыкшие нападать стаей, бандиты ожидали безвольной покорности жертвы, но никак не готовности к сопротивлению. Вот и застыли молча, не понимая, что им делать.

– Да ну его к черту, хлопцы! Себе дороже. Пусть «старика» сами с ним разбираются, – наконец сказал один из них. Он был старше остальных. Его правую щеку перерезал небольшой, но глубокий шрам, очевидно, полученный еще в подростковом возрасте. Этого уголовника почему-то называли Алеутом, и он гордился своей кличкой. Вероятно, она была связана с какой-то криминальной историей из его сибирского прошлого, так как внешне он не был похож не только на представителя далекого сибирского народа, но и вообще имел выпученные глаза. Алеут посмотрел на стоящего перед ним Виктора, оглядел своих подельников. На них нельзя было положиться.

Каждый из них видел палку в руке Виктора – тяжелую палку в руке рано повзрослевшего мужчины. Они понимали, что первый же из них, кто отважится напасть, получит такой удар, что может остаться инвалидом на всю жизнь. Возможно, второго удара уже не будет – они его не допустят. Но кто-то первый должен подставиться под удар. А подставляться никому не хотелось.

Недовольно ворча, уголовники разошлись. Слух о несостоявшейся драке сразу распространился по всей колонии. Такие новости облетают всех быстро. Виктора после этого стали уважать, все понимали, что этот высокий и крепкий парень сумел выстоять и победить. А потом слух дошел и до руководства колонии. Офицеры уже приглядывались к Ермаковичу. Они знали, что его «тухлая» статья – всего лишь

недоразумение, случившееся с молодым человеком. Поэтому вскоре начальник колонии подписал ходатайство о его досрочном освобождении. С учетом отбытого срока и за примерное поведение Виктора освободили уже через год.

Выходя из колонии, он обернулся и посмотрел на запирающиеся за ним ворота. Он был уверен, что больше никогда не попадет в тюрьму, не позволит себя подставить. В восемнадцать лет все кажется очень ясным и правильным. Ему не хотелось больше думать о случившемся. Виктор был уверен, что эта тяжкая часть его жизни навсегда осталась позади, о ней следует забыть. И даже предположить не мог, что все обернется иначе...

Глава 3

Как только Шульман вышел из кабинета, в него вошла секретарь и замерла у двери, словно не решаясь сообщить шефу об очередном визитере.

– Никого не принимаю, – грозно напомнил он, не поднимая головы. – Мне еще нужно просмотреть всю эту кучу дел.

– Кравченко приехал, – сообщила девушка.

Он поднял голову:

– Николай?

– Да, – кивнула она. – Я сказала, что вы очень заняты.

– Я же тебе говорил, чтобы ты никого ко мне не пускала.

Никого из чужих. Ты поняла?

– Я ему так и сказала...

– Нет, ты не поняла. – Он встал из-за стола, подошел к ней. Она испуганно следила за ним. Он, Виктор Викторович, догадывался, что многие сотрудники областной администрации боятся его гнева, зная вспыльчивый характер своего руководителя. Но сейчас он приближался к секретарю в благодушном настроении. И тут же перебил ее: – А он не чужой. Коля мой друг с детства, почти как брат. Я тебе о нем говорил. Предупреждал. Для него закрытых дверей не существует. Мы с ним выросли вместе. Хаты наши рядом стояли в поселке. Зови его быстро. Или он уже ушел?

– Не ушел, – счастливо улыбнулась девушка, – сидит в

приемной. Сказал, чтобы я вам доложила. Он же милиционер, а они такие настырные.

– Ну и правильно сказал. Позови его ко мне.

Когда она вышла, он немного ослабил узел галстука. С Николаем Кравченко, тем самым соседским мальчиком Колей, который разбил себе колено, но успел добраться до поселка и позвать ребят на помощь, Ермакович дружил уже почти полвека. Они дружили так, как дружат настоящие мужчины, помогая друг другу в тяжелую минуту и не считая эту помощь особым одолжением или услугой.

Николай вошел в кабинет широко улыбаясь. Он всегда был ниже Виктора Викторовича на целую голову. Рано пошел, располнел. Но все та же детская улыбка играла на его лице, когда он встречался со своим другом, делая шрам на нижней губе более заметным. Виктор Викторович хорошо знал происхождение этой отметины, оставшейся у друга на всю жизнь.

Именно Коля приехал тогда в Кременчуг встретить освободившегося друга. У Виктора не было родного брата, но он всегда и во всем мог положиться на своего товарища. В те времена Николай Кравченко работал газосварщиком на том же металлургическом заводе, откуда Ермакович так несправедливо попал в колонию. Позже он окончил институт, стал инженером на том же предприятии. Затем его выдвинули в райком комсомола, оттуда – в милицию, где он ныне возглавлял районный отдел внутренних дел. За двадцать с лиш-

ним лет Кравченко вырос до звания полковника. У него была большая семья, четверо уже взрослых детей. Виделись друзья довольно часто, праздники обязательно справляли вместе. Жены их дружили, дети общались друг с другом. Для Коли его друг, ставший руководителем крупнейшей области, оставался по-прежнему тем самым пацаном, с которым он когда-то лазил в отстойник. Были в их совместной жизни и другие не менее серьезные моменты. Однажды они спасли друг другу жизнь, а это, как известно, связывает людей очень крепко.

Мужчины обменялись рукопожатиями.

– Знаю, как ты занят, – сказал Николай, усаживаясь на стул. – Извини, что решил тебя побеспокоить.

– Ничего, – отмахнулся Виктор Викторович, – тебе я всегда рад. И не сиди ты ради бога в приемной. Если пришел, сразу требуй, чтобы тебя пустили. Не валяй дурака. Полковник милиции, а ведешь себя как девица.

– Ты теперь такой большой начальник, не хочется тебя лишний раз беспокоить. Ты губернатор, а я начальник районного отдела.

– Еще раз скажешь такое, дам по шее, – грозно пообещал Виктор Викторович. – А я, между прочим, всегда был сильнее тебя.

– Ну ты же на один год старше, – рассудительно заметил Николай, – и на целую голову выше. Это у вас порода такая – все в твоём роду высокие были. Ты такой же, как твой по-

койный отец. Только не очень-то задавайся. А то могу и послать куда подальше.

– Можешь, – рассмеялся Ермакович. – Говори, зачем приехал. Только не ври, что случайно здесь оказался.

– А я и не собираюсь врать. Разговоры вот про тебя всякие ходят, даже по телевизору. Слышал, что скоро ты уедешь в Киев. И депутаты наши так трепяются. Говорят, сам президент тебя выбрал. Будешь ты премьер-министром – нашим главой.

– Посмотрим, – Ермаковичу тоже не хотелось врать старому другу.

– Я поэтому и приехал, – сообщил Коля. – Не думай, что если я у себя в милиции сижу, то ничего не понимаю. Мы все видим и все знаем. Никто лучше тебя с этим не справится, Витя. Ты у нас всегда был сильным. Сильнее всех остальных. И кроме тебя, никто эту должность занять не может. Поезжай в Киев, покажи им нашу рабочую закалку.

– Ничего пока еще не решено, – честно ответил Виктор Викторович. – На самом деле я еще не получил такого предложения...

– А все говорят...

– Много чего говорят. Ты же знаешь, тебя я не стал бы обманывать. Вот жду, когда президент мне позвонит. Я тоже смотрю телевизор и читаю газеты. Только решать будет он...

– И чего ему решать? – занервничал Кравченко. – Он сейчас в таком незавидном положении. Я на его месте сразу же

в отставку подал бы, после того как нашли труп Георгадзе...

– Вот поэтому ты и не на его месте. При чем тут Георгадзе? Насколько я знаю президента, он таких идиотских приказов никогда не отдавал. Ты же его знал, по старой работе...

– Власть человека меняет, – заметил Николай. – Раньше он был другим. Настоящим человеком. Тогда его все уважали. Власть любого может испортить.

– Меня тоже? – спросил Ермаков в упор.

– Что? – не понял его собеседник.

– Власть, говоришь, любого может испортить. Значит, и меня она портит? Или у меня все еще впереди?

Целых десять секунд Николай молчал. Молчал и смотрел в глаза другу, с которым прожил целую жизнь. Потом, не отводя взгляда, покачал головой.

– Тебя не испортит, – уверенно произнес он. – У тебя закваска хорошая. Тебя дубиной жизнь била и не сломала. Такого, как ты, не согнешь и не испортишь. Знаешь, сколько я пацанов встречаю, которые ломаются сразу после первой «ходки» в колонию? Вся жизнь у них после нее идет наперекосяк, и они не в силах ничего изменить. А ты выстоял, назло всем смог.

– Только ты меня еще не хвалил, – разозлился Виктор Викторович. – Лишь от тебя я таких слов не слышал...

– А я никогда их тебе и не говорил. И никогда больше не скажу, уедешь ты в Киев или нет, мне все равно. Но сейчас послушай меня. Ты мужик настоящий, правильный. Другой

на твоём месте давно сломался бы, махнул бы на все рукой. А ты зубами жизнь свою вытащил. Как тогда сам выбрался из отстойника. До тебя двое мужчин там утонули. И после ещё один утонул. Никто сам не мог оттуда вылезти. Только ты и вылез. Я ведь помню, как все было. Не успели мы добежать, а ты уже на склоне был, сам выбрался. Вот так же ты и всю свою жизнь вытащил. Назло всем остальным. Когда ты сюда ещё заместителем пришел, я сразу сказал, что не надолго. Не такой ты человек, чтобы на вторых ролях подвизаться. И точно. Через месяц тебя первым заместителем сделали. А через восемь месяцев ты у нас стал председателем.

– Ты мне ещё мою биографию расскажи, – смутился Ермакович. Он никогда не говорил с Николаем о таких проблемах. Поэтому ему было немного странно слышать от старого друга такие слова. От человека, с которым он знаком всю жизнь.

– И расскажу, если понадобится, – огрызнулся Кравченко. – Где ты видел, чтобы человек, побывавший в колонии, работал бы потом на таких должностях? Я лучше тебя знаю, куда такие бывшие идут. Путь у них всегда один. А ты другой. И везде тебя люди примечали. И дисциплина у тебя была – дай боже. Характер у тебя, правда, тяжелый, это верно. Но мужик ты справедливый, и это все знают. Поэтому тебя и уважают.

– Ладно, хватит болтать.

– Не хватит. Сам видишь, кто вокруг власти в Киеве кру-

тится. Жулики разные. Одного в Америке поймали, позор на весь мир. В тюрьму посадили. Другого выгнали, третий не подошел. Все эти Назаренки, Мищенки, Финахи... И наконец, Милашенко посадили.

– Ее уже отпустили. И она была только вице-премьером.

– Какая разница? Ты же знаешь, почему ее отпустили. Это политика была такая: сначала сажать, потом отпускать. Только нам всем от этого не легче. Туда такой человек, как ты, нужен. Надежный. Чтобы все знали, какие мужики у нас есть.

– Вот назначат меня, и все газеты тут же опубликуют мою биографию, – мрачно пошутил Виктор Викторович. – Все о двух моих судимостях. Мне с такой биографией только в премьеры идти. Еще и у тебя неприятности начнутся. Не странно ли, что у такого рецидивиста друг – начальник милиции?

– Не говори так, – мрачно попросил Кравченко. – Мы с Машей всегда помним, как ты нас тогда спас. Никогда об этом не забываем. И тысячи людей эту историю знают.

– Ты из меня еще святого сделай. Это Маша нас тогда спасла.

– Судимости у тебя уже давно погашены, – напомнил Кравченко. – Ты и сейчас на виду, большой пост занимаешь – самый большой в области. Тебя уже вся Европа знает, а скоро и весь мир узнает. Или ты решил отступить? Дурных слухов боишься? Не в твоём это характере, Виктор.

– Кто тебе сказал, что я чего-то боюсь? Сам знаешь, я,

кроме Бога, ничего и никого не боюсь.

– Ну и правильно. Вот и соглашайся. Мы за тобой стоим. Вся область. Я поэтому и приехал. Ты должен знать, что мы все за тебя. Как поддерживали тебя все эти годы, так и будем поддерживать.

– Поэтому и приехал? – усмехнулся Виктор Викторович. – Решил меня успокоить?

– Нет, не поэтому. Вчера по одному из каналов сказали, что ты можешь отказаться. Мол, с твоей биографией нельзя идти в премьеры. А я считаю, что ты не имеешь права отказываться. И биография у тебя самая подходящая, рабочая. Автослесарем начинал, а какие объединения потом возглавлял.

– По какому каналу? – заинтересовался Ермакович, хотя уже догадался, кто и почему мог такое заявить.

– Не знаю. Это мои домашние смотрели. Я спрошу у них и перезвоню. Только не в этом дело... Ты мне прямо скажи: ты поедешь в Киев или нет?

Вчера его спросила об этом жена. Он не ответил на ее вопрос, заявив, что президент еще не принял окончательного решения. Но с Колей так поступить не мог. И не хотел. Он посмотрел другу в глаза и твердо сказал:

– Поеду. Если позвонит и предложит, сразу соглашусь.

– Я не сомневался, что ты так и сделаешь, – признался Кравченко. – Ведь знаю тебя столько лет! Ты совсем не меняешься. Теперь будешь с киевских панов три шкуры драть.

Не завидую я им. Ты ведь у нас всегда первым был. Твоей тяжелой руки вся улица боялась, весь поселок...

Воспоминания

Пройдя через тяжелое испытание и вернувшись после колонии на работу, Виктор почувствовал, что люди стали относиться к нему по-другому. С одной стороны, его по-прежнему уважали, отдавая должное его силе воли, настойчивости, умению работать. С другой – немного побаивались. За ним закрепилась слава неуступчивого, решительного человека, не склонного идти на компромисс. Сказывалась и судимость. В значительно разросшемся к тому времени поселке все знали, как и почему пострадал молодой человек, отсидевший целый год за преступление, которого фактически не совершал. Обвинить автослесаря в должностном преступлении было глупо и незаконно. Его нельзя было считать должностным лицом, да и детали ему выписывали со склада. Поэтому сразу по возвращении Виктор отправился в юридическую консультацию, находившуюся в Донецке, чтобы опротестовать приговор по его делу и отменить постановление районного суда.

Адвокат, помогающий ему написать жалобу, был уверен, что решение суда будет отменено. Абсурдность вынесенного приговора была очевидна. Семнадцатилетний парень, работавший автослесарем, получил статью, по которой осуждали руководителей предприятий. Виктор терпеливо ждал, когда наконец будет вынесено решение об отмене злосчаст-

ного постановления.

Ему очень хотелось добиться оправдания, доказать всем, что его несправедливое наказание было всего лишь ошибкой, тем самым несчастным случаем, который может произойти в жизни каждого человека. Но для встречи с адвокатом приходилось ездить в Донецк, чтобы добиться наконец вожделенной реабилитации.

В январе семидесятого, сразу после «больших праздников» Виктор Ермакович в очередной раз поехал в областной центр. Ему шел двадцатый год. «Большими» праздниками в Советской стране традиционно называли январские праздники, которые начинались с католического Рождества и плавно перетекали сначала в Новый год, затем в православное Рождество и, наконец, в празднование старого Нового года. Независимо от религиозной принадлежности и места жительства все граждане огромной страны дружно гуляли в течение почти трех недель, отмечая эти даты. Католики и православные, мусульмане и буддисты, иудеи и атеисты одинаково охотно отдавали должное Бахусу, объединяясь для того в дружные компании.

Виктор поехал в Донецк в понедельник, сразу же, как только закончились эти затянувшиеся «январские календы». Встретился с адвокатом, узнал у него, когда будут рассматривать его апелляцию в областном суде. Адвокат твердо заверил своего подопечного, что решение суда будет в его пользу. Обрадованный Виктор в тот же день вернулся домой, в

Енакиево. Если их ходатайство будет удовлетворено, значит, с него снимут наконец эту судимость и он сможет спокойно поступить в высшее учебное заведение. Ему хотелось учиться. До лета еще много времени – он успеет и подготовиться к экзаменам, и собрать необходимые для поступления документы. Однако этот так хорошо начавшийся день оказался для него злосчастливым. Судьбе было угодно в который раз испытать молодого человека. Словно предыдущих было недостаточно.

В Енакиево на вокзале Виктор встретил Колю Кравченко, который зашел сюда со своей молодой женой, работавшей в билетной кассе. Николай с Машей поженились за несколько месяцев до этого рокового дня. Разумеется, на их свадьбе рядом с женихом сидел его самый близкий друг. Свадьба была веселая, пригласили всех друзей и знакомых. А теперь молодые супруги уже ждали прибавления в их семействе.

Вскоре Виктор, Николай и Маша дружно шагали по поселку, благо их дома по-прежнему находились недалеко друг от друга. Решив скоротать дорогу, они свернули к заброшенному зданию, чтобы выйти на свою улицу напрямик.

Виктор весело рассказывал друзьям о разговоре с адвокатом, который заверил его, что дело будет пересмотрено. И вдруг они услышали чьи-то душераздирающие крики. Можно было пройти мимо, не обратив на них внимания, можно было, добравшись до дома, позвонить в милицию... Но такое поведение было не в характере двух друзей. Попросив

Машу их подождать, молодые люди бросились к заброшенному зданию, откуда раздавались эти крики.

Картина, представшая перед их глазами, ошеломила обоих. Группа неизвестных, которых прежде они никогда не видели в поселке, избивала молодого человека. При этом они выкрикивали его имя, а он, отбиваясь, называл и некоторых из них по именам. Напавшие уже свалили жертву на землю и добивали ее ногами. Однако было ясно, что все эти люди знают друг друга и оказались здесь, видимо, случайно.

– Пойдем отсюда, – предложил Николай, потянув Виктора за рукав куртки. – Сами разберутся. Похоже, они все знакомы друг с другом.

– Подожди, – предложил Виктор. – Когда трое на одного, это не совсем правильно. У меня один раз такое в колонии случилось. Не люблю, когда стаей нападают...

Не успел он договорить, как один из драчунов обернулся. Виктору не потребовалось напрягать память, чтобы узнать этого человека с характерным шрамом на лице и навсегда запомнившимся ему выражением выперченных глаз. Это был Алеут, тот самый бандит из колонии, с которым они чуть не схлестнулись. Только он сильно раздобрел и стал похож на откормленного борова. Алеут тоже узнал Ермаковича. Он отвернулся от несчастной жертвы и недобро усмехнулся. Николай увидел, как Виктор напрягся, и понял, что происходит что-то неприятное.

– Уходи, – тихо велел ему Виктор, – быстро уходи отсюда.

Алеут что-то крикнул своим подонкам, и те оставили несчастную жертву в покое. Очевидно, все они были из одной банды и тут, в заброшенном здании, разбирались с кем-то из своих. Теперь все трое бандитов уставились на невесту откуда появившихся и помешавших им молодых людей. Алеут недобро сощурился, доставая нож. В лучах уходящего солнца блеснуло лезвие.

– Убирайся! – закричал Виктор, отталкивая друга.

Он помнил, что за их спиной недалеко стоит жена Николая, и не хотел, чтобы Маша стала свидетелем сцены, которая тут может произойти. И не желал втягивать друга в разборку из другой жизни.

По знаку Алеута один из его напарников тоже достал нож. Два ножа и трое крепких парней. Виктор подумал, что на сей раз ему придется гораздо сложнее, чем тогда в колонии. Лежащий на земле парень попытался подняться. Из рта у него шла кровь. Нос был разбит. Но, похоже, он был несказанно рад непредвиденному обстоятельству, благодаря которому остался в живых.

– Кто они такие? – тихо спросил Николай, отступая на один шаг от Виктора.

– Шпана, – пояснил тот, бросая взгляды по сторонам в поисках чего-нибудь тяжелого. Но рядом на земле ничего не было.

Алеут понял его намерение и опять усмехнулся. Сейчас никто ему не помешает расквитаться с этим парнем за уни-

зительное поражение в кременчугской колонии. Рядом ни охраны, ни офицеров, ни воровских авторитетов, которые не одобрили бы такое коллективное нападение на двоих молодых людей. И наконец, теперь за его спиной не просто заключенные, сидящие вместе с ним в колонии, а опытные бандиты, с которыми он вместе ходил на дело и на которых мог положиться. К тому же они все вооружены. Виктор увидел, как третий бандит достал кастет и надел его на правую руку. Даже сидевший на земле избитый подельник недобро улыбнулся, глядя в сторону Виктора и его товарища. Очевидно, сообразил, чем все это закончится.

«Хорошо, что у них нет нагана», – подумал Виктор.

– Я постараюсь их задержать, – пробормотал он Николаю, – а ты бери Машу и бегите в город. Только быстро, чтобы они вас не догнали.

Он был уверен, что Николай его послушает. Они выросли вместе и любили друг друга как родные братья. Причем Виктор всегда вел себя как старший. И именно поэтому, как старший, он шагнул вперед, заслоня младшего от беды. Но недооценил Николая. И позже много раз вспоминал, как повел себя в эту опасную минуту их жизни его друг.

– Нет, – решительно и твердо отрезал Николай. – Я тебя одного не оставлю. Кто бы это ни был.

– Уходи! – крикнул Виктор, уже не глядя на него. В этот миг он увидел на земле большой камень, наклонился и быстро поднял его, ощутив тяжесть в руке. – У тебя беременная

жена.

– Нет, – повторил Николай и обернулся к жене, которая стояла метрах в пятидесяти от них. – Маша, беги! – заорал он изо всех сил. – Беги к нам и приведи пацанов. Скажи, мы попали в засаду. Беги, не стой!

Он махнул рукой, но жена смотрела на него, не понимая, что происходит. В девятнадцать лет трудно быть готовой к таким переменам. Бандиты были совсем близко.

– Уходи! – заорал изо всех сил Николай. И тогда она побежала.

Бандиты, встав полукругом, начали молча приближаться к ним. Виктор, глянув на Николая, покачал головой. Лучше бы его друг убежал вместе с женой. Теперь нужно будет думать и о нем. С правой стороны надвигался тот, кто был поменьше ростом. На руке его был кастет. Еще Виктор успел заметить золотую фикса, блеснувшую у него во рту.

– Возьми его на себя, – выдохнул он, глядя на двух других, с ножами. Замахнувшись, с силой бросил в одного из них камень и попал ему в грудь. Бандит пошатнулся, издавая глухой стон. Алеут тотчас шагнул вперед, подняв нож. Виктор успел отскочить, но нож Алеута прочертил опасную черту у самого его горла.

Николай пытался увернуться от кастета, следя за правой рукой бандита. Виктор хотел ударить Алеута, но промахнулся. В свою очередь, Алеут снова не сумел достать его ножом. В этот момент Виктор услышал крик и отвлекся на секунду,

заметив, что Николай перехватил правую руку мужчины с фиксой, не давая ему возможности ударить себя кастетом.

«Молодец», – подумал Виктор, и в тот же миг Алеут, сделав очередной выпад, разрезал на нем куртку. К счастью, лезвие не дошло до тела, а Виктор успел перехватить нож и левой рукой нанести удар по лицу бандита. Тот упал на землю. Но и нож выпал из руки Виктора. Он хотел его поднять, когда второй бандит, оправившийся от удара камнем, всадил ему нож в бок. Тяжелая куртка снова смягчила удар, однако лезвие рассекло Виктору бедро. Почувствовав сильную боль, он оттолкнул напавшего, но тот успел еще раз полоснуть его по руке.

Николай катался в пыли по земле вместе со своим противником, стараясь вырвать из его рук кастет. Все могло бы закончиться совсем по-другому, если бы не тот четвертый молодой парень, из-за криков которого они здесь оказались. Позже Виктор узнал, что его избивали за то, что он припрятал часть награбленного, отказываясь передать ценности в общий котел. Вор, обманывающий своих поделщиков, – в уголовном мире самое презренное существо на свете. Но подлый человек не может быть подлецом только в одной ипостаси. Подлость обычно проявляется и во всех других его поступках.

Именно поэтому избитый бандит, приподнявшись, начал осторожно приближаться к дерущимся. Виктор изловчился и все-таки нанес сильнейший удар по лицу того второго, ко-

торый рассек ему бедро. Он ударил его так сильно, что бандит, отлетев, упал на землю и уже не пытался подняться. Но это дало время Алеуту, который нашел свой нож и поднялся. Виктор не успел к нему обернуться, когда почувствовал удар в левый бок. На этот раз нож задел его еще глубже. Двумя руками он сумел оттолкнуть Алеута, вытащил нож, застрявший в куртке. Если бы не эта его тяжелая куртка, они бы его уже убили. Кровь заливала левый бок. Виктор шатался. Со стороны города уже бежали люди – знакомые шахтеры, металлурги, ребята с их улицы. Их было много, человек тридцать или сорок. Виктора и Николая знал весь поселок, и все ребята спешили им на помощь.

Алеут, глянув в сторону приближающейся толпы, понял, что их нападение сорвалось и в этот раз.

– Полундра, – крикнул он, сплевывая песок и кровь, – уходим!

Виктор, тяжело дыша, помотал головой.

– Нет, – убежденно произнес он, – не уйдешь.

Алеут глянул на него с невольным уважением.

– Иди ты... – грязно выругался он, помогая подняться на парнику.

И именно в этот момент тот четвертый бандит, из-за которого все и началось, сумел подкрасться к Николаю. Тот, заметив его, поднял голову, и в этот момент маленький бандит с золотой фиксой ударил его в плечо. Удар получился болезненным. Николай вскрикнул. Четвертый бандит оттолкнул

его, а тот, с кастетом, ударил его еще раз в лицо, разорвав нижнюю губу. Николай упал на землю, изо рта его хлынула кровь. Он хотел, но не мог поднять голову и лишь бессильно глядел на стоявших над ним бандитов.

– Коля! – закричал Виктор, решив, что его друга убили. Подскочив к уже избитому бандиту, он ударил его так, что тот снова полетел на землю. Но Виктор уже этого не видел. Теперь он набросился на маленького негодяя, на руке которого был кастет. И даже не почувствовал боли, когда тот, изловчившись, его ударил. Он выхватил кастет, отбросил его в сторону и начал молотить несчастного, уже ничего не соображая. Когда подбежавшие ребята с его улицы пытались его оттащить, он еще бил этого бандита, вкладывая в свои удары всю ненависть. Ему показалось, что они убили Николая, и теперь Маша останется вдовой с еще не рожденным ребенком.

Наконец ребятам удалось его остановить. Другим бандитам они сами намяли бока. Но избитый Виктором негодяй с фиксой попал в больницу с сотрясением мозга и переломом двух ребер. Новый прокурор области, которому доложили об этой драке, был категоричен, посчитав виновным в ней Виктора Ермаковича. И хотя пострадавший быстро поправился, это не помешало прокуратуре возбудить уголовное дело по статье о нанесении побоев средней тяжести. К тому же вспомнили о непогашенной судимости. Суд был скорый и неправый. Виктор Ермакович получил два с половиной года

тюремного заключения. Судья был беспощаден. Вторая судимость сделала из молодого человека почти рецидивиста. На этот раз осужденного направили на другой конец Украины, в Волынскую область. Когда ворота колонии снова захлопнулись за его спиной, впустив в эту обитель страданий, он поднял голову к небу. Но в глазах Виктора не было сакраментального вопроса: «За что?».

Любой другой молодой человек проклял бы в этот момент и свою судьбу, и свою жизнь, бросая вызов Богу, столь несправедливо посылающему такие испытания. Но в глазах осужденного Ермаковича был вызов. Все равно, выйдя отсюда, он докажет всем, чего стоит. Все равно переломит судьбу и многого добьется наперекор столь неудачному стечению обстоятельств. В этот день Виктор дал себе твердую установку на всю последующую жизнь.

Глава 4

Воспоминания отвлекли его. Глянув в сторону телевизора, он достал пульт, нажал кнопку. На экране замелькали кадры американского боевика. Гангстеры стреляли друг в друга, обильно поливая свинцовым потоком своих врагов. Ермакович поморщился, переключился на другой канал. Там в прямой трансляции шли парламентские дебаты. Депутаты громогласно обвиняли друг друга во всех смертных грехах. Виктор Викторович не стал вникать в их споры, заранее зная, что каждый из них может сказать. Достаточно назвать фракцию, которую представляет депутат, и сразу была ясна его позиция. Ермакович недовольно покачал головой. Все они слишком предсказуемы. Он точно знает, какие фракции его поддержат, а какие будут голосовать против по любому вопросу, внесенному в парламент пропрезидентскими фракциями.

Виктор Викторович переключился на другой канал. Сидящие за столом политологи рассуждали о будущем страны. Каждый излагал свою версию развития будущих событий. После ареста бывшего премьер-министра Назаренко и возбуждения против него уголовного дела в Соединенных Штатах было понятно, что этот скандальный процесс непосредственным образом аукнется на всю Украину. А тут еще убийство журналиста и недавний арест бывшего вице-пре-

мьера правительства – прекрасной леди местной политической элиты, которую обвинили в неслыханных хищениях.

Ермакович впервые подумал, что положение не просто сложное, а почти катастрофическое. После таких невероятных скандалов нужно формировать новое правительство, пользующееся доверием большинства населения страны, необходимо восстанавливать международный имидж государства, так основательно ими испорченный. Он знал, что сумеет создать дееспособное правительство и попытается получить поддержку большинства депутатов Верховной рады. Но для этого прежде всего должен получить официальное предложение президента возглавить кабинет министров.

Виктор Викторович снова переключился на канал, транслирующий дебаты парламентариев. Там шли новости, очевидно, в Верховной раде объявили перерыв.

– Накричались, – недовольно подвел он итоги, и в этот момент зазвонил телефон правительственной связи, но не прямой телефон с президентом, доступ к которому имели немногие. Или, может, президент решил позвонить ему из парламента? Ермакович поднял трубку.

– Слушаю вас, – произнес он ровным голосом.

– Здравствуйте, Виктор Викторович, – раздался характерный украинский говорок одного из руководителей парламента страны.

Ермакович знал, что позвонивший давно и твердо был на его стороне. Это был Семен Онищенко, руководитель фрак-

ции «Заря Востока», представленный в основном депутатами из восточных областей Украины, поддерживающих его кандидатуру на пост премьер-министра.

– Добрый день, Семен Андреевич, – приветливо отозвался он. – Вот как раз слежу по телевизору за вашими дебатами. Жарко там у вас.

– Как всегда, – рассмеялся Онищенко. – Я думаю, мы приняли верное решение, отправив в отставку правительство Финаха. Он не совсем подходил для такой ответственной работы.

– Мищенко был лучше? – спросил не привыкший к дипломатическим тонкостям Ермакович.

– Нет. Мищенко тем более не был люб. А мы решили показать свой характер. И не позволить президенту снова предложить нам эту кандидатуру.

– Не думаю, чтобы президент снова захотел Мищенко, – осторожно заметил Ермакович. – После всех этих скандалов...

– Вы же знаете, он его терпеть не может, – в сердцах пояснил Онищенко, – но вынужден был сосуществовать с этим правительством, чтобы успокоить наших «спонсоров» на Западе. Иначе нам сразу же перекрывали бы «кислород». Все наши зарубежные партнеры в один голос твердили, что Мищенко – наша новая надежда. Но, по-моему, он немного перестарался. Слишком рано объявил о своих президентских амбициях. А нашему старику такое не нравится. Очень не

нравится. Вот он и выдернул ковровую дорожку из-под ног этого опасного претендента. А теперь убрали и Толю Финаха.

Ермакович подумал, что их могут подслушивать. Но нельзя и допустить, чтобы собеседник почувствовал его неуверенность.

– Думаю, не только поэтому, – рассудительно проговорил он. – Оба правительства исчерпали свой потенциал.

– Правильно, – сразу согласился Семен Андреевич, – поэтому мы и пытаемся внести свои поправки. Хватит нам всяких проходимцев и людей, которые не могут найти общий язык с парламентом и президентом. Нам нужно сильное и ответственное правительство. А такое возглавить можете только вы, Виктор Викторович. Так считает большинство депутатов. Даже те, кто раньше поддерживал Мищенко и Финаха.

– Этого недостаточно, – возразил Ермакович. – Вы же знаете, что по нашей конституции только президент может предложить парламенту нового премьер-министра страны. А я пока не получил от него такого предложения.

– Он знает нашу позицию, – твердо заявил Онищенко. – Никто другой просто не получит нашей поддержки. Это всем известно. Вы единственная и реальная кандидатура. Наша партия вас поддержит. И остальные тоже. Немного погутарят, как это обычно бывает, пошумят, но, в конце концов, согласятся. Мы в таком положении, что нам нужен сильный лидер. Человек, который сумеет вывести страну из этого ту-

пика. Приезжайте в Киев, Виктор Викторович. Хватит отсиживаться в Донецке. Вы сейчас нам нужны в столице.

– Нет, – твердо отрезал Ермакович, – не приеду. И вы прекрасно понимаете почему. Сразу скажут, что я решил таким образом давить на президента и на парламент. Не хочу я такого назначения. Получится, что я сражаюсь за кресло, а не за свои принципы.

– А тем временем нам снова посадят на шею какого-нибудь нового Назаренко или Мищенко, – пробормотал Семен Андреевич. – Я вообще думаю, что нужно менять все наши законы и вводить нормальную парламентскую республику. Как в Германии или в Италии.

– До этого еще далеко. Сейчас работать нужно, – напомнил Виктор Викторович. – У нас и так сложное положение. Необходимо принимать бюджет на следующий год, ведь уже конец ноября. А у нас пока нет главы правительства. И не стоит мне ничего предлагать, Семен Андреевич. Я знаю, как вы ко мне относитесь. Но пока не будет официального предложения, я в Киев не приеду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.